

УДК 81'1:130.2:82-84

DOI: 10.30624/2220-4156-2025-15-3-491-502

Концепты «Язык», «Речь», «Слово» в национальных картинах мира русских и мордвы (на материале пословиц и поговорок)

Н. Г. Юрина

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
makarova-ng@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В данной работе рассматривается фольклорная составляющая концептов «Язык», «Речь», «Слово» в национальных картинах мира русских и мордвы, отражающая отношение этих народов к возможностям языка и слова, этнические принципы коммуникации, традиции организации речевого акта, этику общения.

Цель: выявление особенностей содержательного наполнения концептов «Язык», «Речь», «Слово» в национальных картинах мира русских и мордвы.

Материалы исследования: русские и мордовские пословицы, поговорки, идиомы о языке и речи, опубликованные в сборниках, составленных В. И. Далем и К. Т. Самородовым.

Результаты и научная новизна. Новизна исследования связана с определением общих и индивидуальных понятийных компонентов концептов «Язык», «Речь» и «Слово» у русских и мордвы через семантический анализ национальных паремий. В результате изучения более 1000 русских и мордовских пословиц о языке и речи установлено, что содержательное наполнение этих концептов у русского и мордовского народов в целом совпадает как в области смыслового ядра, так и по ряду периферийных значений. Это свидетельствует о близости национальных ценностей, родственности менталитетов, на формирование которых повлияли в том числе сходные географические и исторические условия проживания этносов, их род деятельности, религиозные взгляды, соседство. В то же время нельзя говорить о полном содержательном совпадении вышеназванных концептов у двух народов, что, очевидно, обусловлено хронологическим несовпадением близких исторических, этнических и языковых процессов у русских и мордвы.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая картина мира, концепт, русская и мордовская пословицы, язык, речь, слово

Для цитирования: Юрина Н. Г. Концепты «Язык», «Речь», «Слово» в национальных картинах мира русских и мордвы (на материале пословиц и поговорок) // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 3 (62). С. 491–502.

**The concepts of “Language”, “Speech”, and “Word”
in the national pictures of the world of the Russian and Mordovian peoples
(based on proverbs and sayings)**

N. G. Yurina

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
makarova-ng@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the work explores the folklore component of the concepts of “Language”, “Speech” and “Word” in the national pictures of the world of the Russian and Mordovian peoples, reflecting the attitude of these nations towards the potential of language and word, ethnic principles of communication, traditions of organizing speech act, the ethics of communication.

Objective: to identify the features of the content of the concepts “Language”, “Speech”, “Word” in the national pictures of the world of the Russian and Mordovian peoples.

Research materials: Russian and Mordovian proverbs, sayings, idioms about language and speech, published in collections compiled by V. I. Dal and K. T. Samorodov.

Results and novelty of the research: the novelty of the research lies in the definition of the common and individual conceptual components of the concepts of “Language”, “Speech”, and “Word” among Russian and Mordovian peoples through the semantic analysis of national proverbs. As a result of research of more than 1,000 Russian and Mordovian proverbs related to language and speech it has been found that the content of these concepts generally coincides among the Russian and Mordovian peoples, both in terms of the core meaning and in several peripheral meanings. This indicates the

similarity in national values and a kinship between mentalities, which were influenced by same geographical and historical conditions, occupation, religious beliefs and proximity. At the same time, it is impossible to speak about the complete content coincidence of the above-mentioned concepts between these two nations. This is obviously due to the chronological difference between the historical, ethnic and linguistic processes which took place between Russian and Mordovian peoples.

Key words: linguoculturology, linguistic worldview, concept, Russian and Mordovian proverbs, language, speech, word

For citation: Yurina N. G. The concepts of “Language”, “Speech”, and “Word” in the national pictures of the world of the Russian and Mordovian peoples (based on proverbs and sayings) // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2025; 15 (3/62): 491–502.

Введение

Очевидно, что устное народное творчество этноса столетиями остаётся не только кладом национальной мудрости и свидетельством этнических корней, художественного взгляда на мир, но и отражением специфической языковой картины мира¹ (ЯКМ), менталитета, образа мышления, эмоционального склада народа. Концепты, языковые единицы, которые Ю. С. Степанов назвал «сгустками культуры» в сознании человека, тем, «в виде чего культура входит в ментальный мир человека... посредством чего человек... сам входит в культуру... и влияет на неё» [16, 43], наиболее ярко отражают специфику лингвокультурного сообщества. Содержание концептов «Язык», «Речь» и «Слово» в разных ЯКМ имеет особую важность, так как напрямую определяет восприятие возможностей вербального общения, традиционные формы его выражения, принципы речевого поведения. Их смысловая наполненность отражает принадлежность этноса к определённому типу национальных культур. Вместе с тем авторитетный специалист в этой области Р. Д. Льюис писал: «Culture, in the sense that it represents one’s outlook and world view, is not, however, a strictly. In some countries regional characteristics can prevail to the extent that they relegate the ‘national type’ to second position» [24, XXVII] ‘Культура как выражение специфического мировоззрения не является сугубо национальным явлением. В некоторых странах региональные особенности столь сильны, что отодвигают национальные черты на второй план’ (перевод автора). Следовательно, изучение региональных особенностей культуры способно иногда привести к неожиданным результатам, добавить к очевидным, казалось бы, выводам новые важные нюансы.

Изучение концептов «Язык», «Речь», «Слово» достаточно активно ведётся как в российском, так и в зарубежном языкознании (труды Т. А. Симановой [15], И. Дая [5], В. И. Аннушкина [1], Т. Д. Романцовой [13], И. Ю. Богатырёвой и Ю. С. Холманских [4], О. Тищенко, В. Смаглий, С. Юхимец [26] и др.). При этом в качестве анализируемого материала широко используются русские пословицы и поговорки на соответствующую тематику. Мордовские паремии о языке и речи изучаются реже. В этой связи отметим работу Т. Я. Краснощёковой и С. А. Улановой, где сделана попытка реконструировать правила речевого поведения у мордвы на материале национальных пословиц [7]. Н. Н. Глухова, Р. А. Кудрявцева, Р. И. Чузаев, Г. Е. Шкалина, определяя степень мировоззренческой близости между восточными финно-угорскими этническими группами (коми, марийцы, мордва, удмурты) по характеру этических ценностей, отражённых в национальных паремиях, обращались, в том числе к мордовским пословицам и поговоркам о языке. Было установлено, что язык (речь) входит в основную группу ценностей мордовского народа, наряду со знанием и этикой: «Three values – ethics, knowledge and labor – exceed 50% and represent the reconstructed core of Eastern Finno-Ugric cultural affinity as evidenced in folklore material» [25, 169] ‘Три ценности – этика, знания и труд – превышают 50% и представляют собой реконструированное ядро культурной близости восточных финно-угров, о чём свидетельствуют фольклорные материалы’². Сравнивая различные концепты (в том числе «Язык») в русской и мокшанской картинах мира, Т. В. Юркина пришла к выводу, что «русское и мордовское мировосприятие обладают сходными характеристиками –

¹ Вслед за Ю. Д. Апресяном мы понимаем ЯКМ как «определённый способ восприятия и организации (= концептуализации) мира», когда «выражаемые... значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [2, 38–39]. Этот «способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен» [2, 39].

² Здесь и далее перевод на русский язык автора статьи.

онтологическим восприятием физической и духовной реальности, выражающимся в субстратной рефлексии, присущей народам. Связано это с совместным проживанием на одной территории двух наций, их историческим взаимодействием и общей религией – православием» [21, 16]. Этот вывод, имеющий общий характер, с одной стороны, требует дополнительного анализа, аргументации и детализации, с другой – включения в рамки исследования фольклорного наследия эрзян.

Задачи данной работы: выявить и описать особенности семантического наполнения русских и мордовских пословиц и поговорок о языке и речи; смоделировать некоторые структурные компоненты национальных концептов «Язык», «Речь», «Слово» через призму этих фольклорных жанров; сопоставить культурное наполнение соответствующих концептов у двух народов и сделать вывод о степени близости их восприятия языка и слова, принципах оформления коммуникативного акта.

Именно содержательное наполнение слова и его культурные ассоциации играют ключевую роль при создании национальной ЯКМ, отражающей характер восприятия окружающих объектов и явлений носителями данного языка. Особенно важны при этом устойчивые выражения (фразеологизмы, пословицы, поговорки) – тот слой языка, в котором, по словам С. Г. Тер-Минасовой, «непосредственно сосредоточена народная мудрость или, вернее, результаты культурного опыта народа» [17, 147]. Действительно, пословицы, поговорки и идиомы – это те сгустки национальной культуры, которые в максимальной концентрации отражают взгляд этноса на способы осмысления действительности и взаимодействия с окружающим миром при помощи слова, этнические традиции оформления коммуникативного акта, учитывающего как оптимальные прагматические средства для достижения результата общения, так и более глубинные цели, в частности, сохранение коллективных национальных ценностей. Если в контексте речи пословицы и поговорки имеют только свой конкретный смысл, то «в контексте жанрово-тематического свода они проявляют ещё своё... социально-эстетическое отношение к действительности и в целом отражают почти все области материальной и духовной жизни данной... нации» [14, 126]. Сопоставительный анализ этих малых

жанров фольклора разных народов важен для исследования характера проявлений культуры через слово, языковых контактов и культурного взаимовлияния совместно проживающих этносов.

Материалы и методы

Работа основана на материале русских и мордовских пословиц, поговорок, идиом о языке и речи, выявленных методом сплошной выборки из двухтомного сборника «Пословицы русского народа» В. И. Даля [6], впервые изданного в 1862 г. и неоднократно переиздаваемого впоследствии, и ряда сборников мордовских пословиц и поговорок, составленных К. Т. Самородовым («Мордовские пословицы и загадки. Т. 1 Пословицы, присловья и поговорки», 1959 [8]; «Мордовские пословицы и присловья», 1968 [9]; «Мордовские пословицы, присловья и поговорки», 1986 [10]; «Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 8 т. Т. 4. Кн. 2: Мордовские загадки», 1969 [18]) и А. М. Мартыновой и В. В. Митрофановой [11].

Исследование основано на лингвокультурном подходе, то есть изучении культуры через язык. Базовые для русской и мордовской культур концепты «Язык», «Речь», «Слово» понимаются как опорные точки менталитета двух народов, которые в значительной степени определяют предметно-смысловое содержание их языковой картины мира. Также использовались аксиологический и лингвистические методы семантического и контекстного анализа. Главным методом стал сопоставительный анализ, который позволил выявить одинаковые и уникальные семантические компоненты концептов «Язык», «Речь» и «Слово» у русских и мордвы на материале национальных паремий о языке и речи.

Результаты

Лингвокультурный подход к изучению языка позволяет сделать важные выводы культурологического характера, которые имеют значимость не только с теоретической, но и с практической точки зрения, в частности, при обучении билингов и инофонов русскому языку с учётом национальной (и региональной) специфики, что чрезвычайно актуально для современной российской методики. Население России – пёстрый конгломерат различных

этносов с особой культурой, образом мышления, национальными традициями и т. д., говорящий на разных языках, но общающийся между собой по-русски. Иностранец, приехавший в страну с целью изучения языка, обязательно встанет перед необходимостью осознания его как общенационального явления, имеющего региональные особенности. Так, например, зарубежные студенты, обучающиеся в МГУ им. Н. П. Огарёва, должны учитывать, что в Республике Мордовия наряду с русскими компактно проживают ещё два субэтноса (мокша и эрзя), составляющих мордовскую нацию, имеющую специфический менталитет, национальные традиции, отношение к слову. Длительность проживания русских и мордвы на одной территории в одинаковых климатических и бытовых условиях, единые религиозные взгляды, близость видов хозяйственной деятельности не могли не повлиять на мировоззрение, нравственные устои, поведенческие и речевые схемы жителей региона. Мордва, прошедшая этап христианизации, сделавшая русский язык вторым родным, переняла и некоторые когнитивные стереотипы восприятия и понимания действительности, языковые модели мышления, отдельные выражения. Русские, длительно соседствующие с мордвой, также заимствовали элементы мордовской культуры. Этот продолжительный процесс межкультурной коммуникации отразился в фольклоре двух этносов.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что смысловое ядро концептов «Язык» и «Речь» в сознании русских и мордвы совпадает. Основные понятийные компоненты, определяющие центр этих концептов у обоих народов, – «способ материального оформления мышления», «средство и способ вербализация мысли»: мокш. «*Коса ули мяль, тоса и кяль*» «Где мышление, там и язык»; эрз. «*Кодамо мелесь, истямо келесь*» «Какова мысль, такова и речь» [8, 152]; мокш. «*Кяльсь да мяльсь – фкя-фкянь кирдихть*» «Язык и мысли друг друга поддерживают» [8, 153]; рус. «Сперва подумай, а там и скажи!» [6, I, 319]. С иронией констатируется как отсутствие должного соответствия: мокш. «*Кувака кяльце, да нюръхкяня мяльце (ёньце)*» «Речь длинна, а желания, мысли коротки» [8, 153]; рус. «Язык болтает, а голова не знает» [6, I, 319].

Необходимо учитывать то, что в фольклоре обоих народов встречаются пересечения

границ концептов «Язык», «Речь», «Слово», они воспринимаются как синонимичные (подобные случаи мы будем фиксировать далее в тексте). Так, например, в следующих характеристиках языка как грозного оружия отражается смысловая составляющая концепта «Язык» («некая универсальная данность, средство для воздействия на другого»): мокш. «*Кяльсь пельдонга оржа*» «Язык острее ножа» [8, 153]; рус. «Не ножа бойся, языка» [6, I, 322]; рус. «Не пройми копьём, пройми языком!» [6, I, 324]. А в русской поговорке, где язык образно сравнивается с бритвой – особо опасным для человека предметом, способным нанести максимальный физический урон (рус. «У него язык как бритва» [6, I, 322]), имеется в виду процесс использования языка, следовательно, здесь следует говорить об отражении смысловой составляющей концепта «Речь». В аналогичной по содержанию мордовской пословице (мокш. «*Бритвась нарай, а валсь мянь седи карай*» «Бритва бреет, а слово режет» [8, 159]) предметом соответствующей характеристики («нечто опасное») является уже слово. Однако, делать вывод о полном тождестве в коллективном этническом сознании этих комплексных единиц было бы, на наш взгляд, ошибочным.

Возможность таких смысловых пересечений изучаемых концептов в народном сознании может объясняться близостью свойств, которыми наделяется язык, речь, слово. Так, например, для русских язык амбивалентен: в зависимости от его использования – это и благо, и наказание: «Язык поит и кормит, и спину порет» [6, I, 317]. Показательно равнозначное бытование контрастных по смыслу пословиц: «Язык до Киева доведёт» [6, I, 317] и «Язык до добра не доведёт» [6, I, 321], «Язык доведёт до кабака» [6, I, 317]. Речь как процесс использования языка также может приводить к противоположным результатам: «Из одного рта и тепло, и холодно» [6, I, 137]. Слово как составляющая единица языка также отражает его амбивалентность: «**Есть** – словцо, как мёд, **нет** – словцо, как полынь, горько» [6, I, 187].

В мордовском фольклоре концепты «Язык» и «Слово» включают ту же смысловую составляющую, выражающую представление об их антитетической специфике. Примером может быть мордовская пословица: мокш. «*Кяльсь сембонь сафтсы: мяльтьке касфтсы, тевтьке сафтсы*» «Язык много может натворить: и

настроение поднять и дело испортить» [8, 153]. Показательна мордовская загадка о слове: мокш. «*Мяльса азса – ламбама, / Кяжда азса – сяпи*» ‘Добром скажу – сладкое, / Со злостью скажу – горькое’ (слово) [18, 213]. Сравним её с русским аналогом: «Что слаще и что горче всего? (Слово человеческое)» [11, 450]. Загадка – жанр, особо тесно связанный с культурой народа, с коллективным архаичным сознанием. Она «демонстрирует своеобразие национального мышления, распространённые в данном языковом сообществе схемы оформления высказывания» [20, 744]. Закрепление в ней образного определения слова как чего-то и сладкого, и горького одновременно – свидетельство этническо-культурного слоя мышления. В мордовских языках бытуют контрастные образные поговорки и идиомы о слове: мокш. «*равжа вал (азомс)*» ‘чёрное слово (сказать)’ [9, 82]; мокш. «*седы потмонь вал*» ‘сердечное слово’ [9, 83].

В фольклоре и русских, и мордвы подчёркивается тесная взаимосвязь речи и языка с действием. Звучащее слово всегда обосновано определённой мыслью и предваряет поступок / деяние. Этической нормой и для русских, и мордвы является соответствие слова и дела: эрз. «*Кие тевсэ-валсо савты, се пря а ёмавты*» ‘Кто словом и делом умеет действовать, тот нигде не пропадёт’ [8, 159]; мокш. «*Кяльса строяй ош, а кядьса аф тиеви кош*» ‘Языком город построит, а руками шалаша не сделает’ [8, 161]; мокш. «*Кяльса моря кяли, а тевса начконяда пели*» ‘Языком море переплывёт, а на деле сырости боится’ [8, 158]; рус. «Кто языком штурмует, не много навоюет», «Не спеши языком, торопись делом» (синонимия *язык / речь*), «Звонко поёшь, где-то сядешь!» [6, I, 318].

Свободное, виртуозное обращение со словом одобряется, признаётся ценностью, имеющей практическое и эстетическое значение: рус. «Красную речь красно и слушать», «Что слово молвит, то рублём подарит» [6, I, 325]; эрз. «*Колсто корты, прок пейтть чулгони*» ‘Говорит ловко, точно орехи грызёт’ [8, 153]; мокш. «*Корхтай, бта вайса вадю*» ‘Говорит, словно маслом мажет’ [8, 154]; рус. «У него на всякий спрос есть ответ» [6, I, 320]. Однако многословие, болтливость, пустословие осуждаются у обоих народов: эрз. «*Чаво паресь нек калдорды*» ‘Говорит, словно пустая кадушка гремит’ [10, 182]; мокш. «*Корхтай*

мазыста, а кулемс аш мезе» ‘Говорит красиво, а слушать нечего’; мокш. «*Лама салсь гастяй ярхцамбяльть, аф кис азф валсь – баснять, мяльть*» ‘Лишняя соль портит пищу, лишнее слово – речь’ [9, 34]; рус. «Лучше не договаривать, чем переговорить» [6, I, 317]; «Из пусто-го в порожнее переливает» [6, I, 318]; «Воздух словами не наполнить» [6, I, 324].

Общее разграничение у русских и мордвы болтливости («длинного», «без костей») и разящего, обижающего («острого») языков вносит дополнительное периферийное значение в концепт «Речь» (здесь говорится именно о возможности использования языка): мокш. «*Сонь кялец оржа, салмоксокс сялги*» ‘Его язык острый, как иголкой колет’ [8, 155]; мокш. «*“Келянтъ” алашазо а сизи*» ‘Язык без костей, не устанет’ [10, 177]; мокш. «*Кувака кяльсь аньцек нолсемс пара*» ‘Длинным языком хорошо только облизывать’ [9, 34]; рус. «Он зубаст, он остёр на язык», «У него язык длинен» [6, I, 322].

В фольклоре обоих народов содержательное наполнение концепта «Язык» часто поясняется через концепт «Слово», указания на его значимые особенности. Анализируя названный концепт, Ю. С. Степанов обратил внимание на то, что «в значении этого корня объединяются действия говорения и слушания» [16, 381], следовательно, слово понимается как некая духовная ценность, независимая от участников общения, которой в процессе речевого акта обмениваются между собой говорящий и слушающий. И русский, и мордовский фольклор подтверждают подобное понимание сути слова: эрз. «*Васня кулсонок, мейле кортак (ёвтак)*» ‘Вначале послушай, а потом слово скажи’ [8, 152]; рус. «Блюда хлеб на обед, а слово на ответ!» [6, I, 318]. Самоценность слова как такового, преимущество вербального общения над невербальным утверждают и мордовские, и русские пословицы: мокш. «*Морста вал аф ёрдат*» ‘Из песни слова не выкинешь’ [10, 187]; рус. «Нечего руками рассуждать, коли Бог ума не дал» [6, I, 324]; рус. «Лучше не бай, глазами мигай, будто смыслишь» [6, I, 346]. При этом в сознании обоих народов слово, воплощающее национальную или общечеловеческую истину, связанное с «правым делом», «правдой», имеет высшую ценность: рус. «За правое дело говори смело!» [6, I, 324]; эрз. «*Паро аволь чевте валось, паро виде валось*» ‘Не ласковое слово

хорошее, а правдивое' [10, 186]. Духовное наполнение слова связывается обоими народами и с проявлениями доброты: эрз. «*Сельмесь вечки мазыйть, цветицят, седеесь – паро валонь ёвтыцят*» 'Глаз любит красивое, цветущее, сердце – слово доброе' [9, 35]. При этом показательно, что «доброе» слово чаще всего соотносится не с областью языка и речи как таковыми, а с областью сердца, души: эрз. «*Паро валось – аволь кельстэ, паро валось – виде мельстэ*» 'Доброе слово – не от языка, доброе слово – от чистой души' [10, 180]; мокш. «*Коста паро мелезеть, эста паро валт сыйть келезеть*» 'Когда хорошо на душе, тогда приходят хорошие слова' [10, 180]; рус. «Душа с душой беседует», «Сердце сердцу весть подаёт» [6, I, 239]. Обещанное слово у обоих народов считалось крепким: мокш. «*Тиемс аш мяльце – тязя надияфне кяльце*» 'Сначала сделай, а потом обещай' [10, 183]; рус. «Не давши слова, крепись, а давши – держись!», «Что сказано, то свято», «Назвался груздем, полезай в кузов!» [6, II, 130].

В фольклоре русских и мордвы слово традиционно противопоставляется молчанию (недоговорённости). Последнее трактуется как сознательное сокрытие мысли, цели, недовольство, затаённая злоба, даже смерть и осуждается: мокш. «*Аф азсы мяленц, бта сукст сивозь кяленц*» 'Не скажет о своей цели, словно его язык черви съели' [8, 155]; рус. «Он спроста не говорит: растопырит слово, что вилы, да и молчит» [6, I, 323]; рус. «Говорить беда, а молчать другая» [6, I, 322]; мокш. «*Кеподи (кяледи) мяльце – корхтазеве кяльце*» 'Душа обрадуется – душа заговорит' [8, 153]; мокш. «*Ломанть кульсак кяленц, да афняйсак мяленц*» 'Речь его услышишь, а мысли не всегда узнаешь' [8, 155]; рус. «Молчит, как мёртвый (как неживой)», «Молчит, как стена (как пень)» [6, II, 22].

Любое слово, с точки зрения обоих народов, необратимо, имеет обязательные последствия. Мордовские пословицы: мокш. «*Валсь аф пур: валть азсак – аф нардасак*» 'Слово не мел: скажешь – не сотрёшь' [8, 156]; эрз. «*Валось а кал, бреднясо а кундасак*» 'Слово не рыба, бреднем не поймашь' [6, 159]; эрз. «*Ёвтась валось – ведьсэ кал*» 'Сказанное что рыба в воде' [8, 158]; мокш. «*Мезе ёрай мяльце, сянь петьсы кядце, а мезе тии кяльце, ся кядценди аф тиеви*» 'Что сделает рука, то языком можно исправить, а что сделает язык – рукой не исправишь'

[10, 177]. Русские: «Слово не воробей: вылетит – не поймашь», «Коня на вожжах удержишь, а слова с языка не воротишь», «Выстрелив, пулю не схватишь, а слово, сказав, не поймашь» [6, I, 325]; «Слово не стрела, а сердце язвит» [6, I, 324]. Обратим внимание на общую манеру определения слова одновременно и через отрицание, и через утверждение близкой аналогии, сравнения: не мел («оставляющий след»), не рыба (здесь: «трудно удерживаемая»), не воробей («маленький, но быстрый»), не стрела («наносающий вред, урон, увечье»), но как рыба (здесь: «нечто свободное, независимое от внешних обстоятельств»), как конь («стремящийся к свободному движению»), как пуля («быстрая, неуловимая»).

М. М. Бахтин писал о том, что каждое слово произносится в ответ на ранее сказанное, происходит постоянный диалог: «Для слова... нет ничего страшнее безответственности... Слово хочет быть услышанным, понятым, ответным и снова отвечать на ответ... Оно вступает в диалог, который не имеет смыслового конца...» [3, 498–499]. Подтверждение этой мысли находим в фольклоре обоих народов. И русские, и мордва воспринимают непрекращающийся диалог как форму существования человека: рус. «Говорили сегодня, говорить и завтра» [6, I, 324]; эрз. «*Валось – вал вешни*» 'Слово к слову молвится' [9, 185]; мокш. «*Валсь вал веши*» 'Слово слово ищет' [8, 158]; рус. «Слово слово родит, третье само бежит» [6, I, 325]. Антитеза «говорение / слушание» – в основе образности как русских, так и мордовских пословиц. Слушание оба народа считают важным элементом общения, без которого не будет успешным акт коммуникации: мокш. «*Кельгсак корхтаматы – кельгомс эряви кулхцондомаське*» 'Любишь говорить – люби и слушать' [8, 152]; мокш. «*Кие аф машты кяленц кирдема, ся аф машты корхтама*» 'Кто не умеет язык держать, тот не умеет говорить' [10, 179]; рус. «Бог дал два уха, а один язык», «Поменьше говори, побольше услышишь» [6, I, 317].

Важным в акте общения для обоих народов, помимо слова, является отношение к собеседнику, форма общения. При склонности к свободному проявлению эмоций у русских и мордвы в их поговорках содержится совет учитывать принцип зеркальности коммуникативного акта. С одной стороны, необходимо гибко вести себя с любым собеседником,

не поддаваться заданной эмоции, чтобы не выпускать инициативу в диалоге: рус. «На грубое слово не сердись, на ласковое не сдавайся!» [6, I, 325]; «Мудрый (умный) слышит вполслова (вполголоса)» [6, I, 336]. С другой – важно учитывать, что характер сказанного слова определяет тональность ответного высказывания собеседника: рус. «Кто говорит, что хочет, сам услышит, чего не хочет» [6, I, 321]; мокш. «*Лама корхтат – нолдат торхтат*» ‘Много ругаешься – сам обруган будешь’; эрз. «*Кодамо вал, истямо ответ*» ‘Каков вопрос, таков и ответ’ [8, 158]. Эти паремийные рекомендации полностью соответствуют общепризнанным в области коммуникации принципам успешного речевого общения Д. Лича [23] и П. Грайса [22]: мокш. «*Мезе аф мялезт, тьяк путне кялезт*» ‘Что не по душе, о том не говори’ [9, 33]; рус. «Где наболело, там не тронь!» [6, I, 117]; «Коротко да ясно» [6, I, 321]; «Прямой, что дурной (глупый)» [6, I, 337]. Неодобрительную окраску имеют выражения: мокш. «*пейнь пачк нолдам*» ‘сквозь зубы процедить’ [9, 82]; рус. «сказал, что отрубил» [6, I, 321]. И русские, и мордва отмечают важность уместности сказанного: мокш. «*Эрь валть ули эсь вастоц*» ‘Всякому слову своё место’ [10, 185]; рус. «На великое дело – великое слово» [6, I, 324]; мокш. «*Еру ломань мархта – еру и корхнихть*» ‘С серьёзным человеком серьёзно и говорят’ [10, 184].

И у русских, и у мордвы выделяется тематическая группа пословиц о слухах, молве. С одной стороны, в паремиях обоих народов слухи осуждаются как содержащие много неточной, непроверенной, преувеличенной информации или выдающие сведения, которые до времени должны оставаться тайной: рус. «Не всякому слуху верь, не всякую правду сказывай!» [6, I, 322]; эрз. «*Ливти кулясь, кода пулясь*» ‘Молва летит, как пуля’ [8, 162]; мокш. «*Кля-мя, да нинге весть кля и лиси куля*» ‘Тары-бары, да ещё тары-бары – вот и сплетня’ [8, 164]; мокш. «*Кочксят кальдяв кулят, тонцьке кальдяв улят*» ‘Плохие вести собираешь, плохим и сам станешь’ [9, 34]. С другой стороны, слухи – форма оценки человека и события сообществом:

мокш. «*Ломаттне стак аф корхнихть*» ‘Люди зря не говорят’ [8, 163]; мокш. «*Ломаньда тайнась аф кирдеви (кяшеви)*» ‘От людей тайну не скроешь’ [8, 163]; эрз. «*Кулядо мастороськак пейксе*» ‘Слухами земля полнится’ [8, 163]; рус. «Как про тебя сказывали, таков ты и есть», «Про горького Егорку поют и песню горьку» [6, II, 160].

Многочисленные совпадения в смысловых компонентах, определяющих центр и периферию концептов «Язык», «Речь» и «Слово» у русских и мордвы, дополнительно подтверждаются существованием большой группы эквивалентных русских и мордовских пословиц о языке и речи: эрз. «*Кортамось паро, каштмолемась седеяк*» и мокш. «*Корхтамась цебярь, а каштмолемась сядонга*» ‘Сказанное слово – серебро, а молчание – золото’ [8, 155]¹ / рус. «Сказанное словцо – серебряное, не сказанное – золотое» [6, I, 323]; мокш. «*Кие корхтай, ся види; кие кулхцонды, ся нуй (тиди)*» ‘Кто говорит, тот сеет, а кто слушает, тот жнёт’ [8, 161] / рус. «*Кто говорит, тот сеет; кто слушает – собирает (пожинает)*» [6, I, 318]; мокш. «*Ломаттнень кургснон аф пандсайть*» ‘На чужой роток не накинешь платок’ [8, 163] / рус. «На чужой роток не накинешь платок», «На чужой рот не пуговицу нашить» [6, I, 324]; мокш. «*Монь (лаборды) кялезе – монь врагозе*» ‘Язык мой – враг мой’ [6, I, 160] / рус. «Язык мой – враг мой», «Язык мой – враг мой: прежде ума рыщет, беды ищет», «Язык мой – враг мой: наперёд ума глаголет» [6, I, 321]; эрз. «*Кирдик келеть пеець экиссэ*» ‘Держи язык за зубами’ [8, 162] / рус. «Держи язык за замком (за зубами)!»», «Держи язык на привязи (на верёвочке)!»», «Держи язык короче!» [6, I, 318] и др. Это свидетельство активного духовного и культурного взаимодействия двух народов. На наш взгляд, здесь следует говорить прежде всего о влиянии русского фольклора на мордовский, так как, во-первых, в мордовском языке чаще всего бытует только один из вариантов, представленных в русском фольклоре, во-вторых, обычно это более часто употребляемый, краткий вариант, в-третьих, как правило,

¹ В рамках работы мы опирались на перевод мордовских паремий, предложенный К. Т. Самородовым. Отметим, что в некоторых случаях, особенно при наличии эквивалентных русских пословиц, его перевод отличается от дословного (что фиксируют носители мордовских языков) и передаёт смысл в целом, через близкий образ. Так, например, эрз. «Кортамось паро, каштмолемась седеяк» ‘Разговор хорошо, молчание ещё больше (лучше)’ (досл.); мокш. «Корхтамась цебярь, а каштмолемась сядонга» ‘Разговор хорошо, а тишина – ещё (лучше)’ (досл.). Понятно, что это вредит абсолютной достоверности некоторых выводов. Данный языковой пласт требует дополнительной разработки. Сопоставление анализируемых концептов в сознании каждого из мордовских субэтносов – также отдельная проблема, ожидающая специального исследования. В данной работе определялись лишь основные направления сопоставительного анализа русских и мордовских паремий о языке и речи, которые также потребуют дальнейшего уточнения отдельных деталей.

он включает более поздние хронологические замены: мокш. «*Кяльсь Питери (Москву) пачфттянза*» ‘Язык до Питера (Москвы) доведёт’ [8, 153] / рус. «Язык до Киева доведёт (и до кия, т. е. до палки, побоев)» [6, I, 317].

Всё вышеизложенное не исключает и некоторых различий в отдельных центральных и периферийных смысловых компонентах анализируемых концептов. Так, например, в пословицах и поговорках обоих народов указывается на значимость языка как такового. Вместе с тем в русском паремийном корпусе наблюдается большее количество текстов о разнообразии его функционала: «Язык с Богом беседует», «Мал язык, да всем телом владеет», «Язык – стяг, дружину водит», «Язык царствами ворочает» [6, I, 317] и др. Таким образом, фиксируется, что язык – одна из основ человеческой и общественной жизни, способ полноценного существования, саморегуляции и самореализации в разных областях деятельности. Все эти смысловые составляющие определяют ядро национального концепта «Язык». В мордовском фольклоре значимость языка отмечается, но его функции прочерчиваются опосредовано, как, например, в вышеприведённой мокшанской пословице «*Кяльсь сембонь сафтсы: мяльтьке касфтсы, тевтьке сафтсы*» ‘Язык много может натворить: и настроение поднять и дело испортить’ [8, 153]. Тем самым основное значение концепта «Язык» соотносится с неким мощным потенциалом, который может быть использован в прямо противоположных целях. Предположим, что это различие может быть связано с длительным существованием мордовских языков только в устной форме (процесс окончательного оформления мордовской письменности завершился только к началу XX столетия), что сужало аналитическое осмысление возможностей языка.

Среди русских и мордовских идиом встречаются уникальные характеристики языка. В мордовском языке: мокш. «*варяв кяль (кель)*» ‘дырявый язык (о болтуне)’ [9, 77]; мокш. «*палакс кяль*» ‘жгучий язык’ [8, 269]; эрз. «*Чевте кельнесь салава суски*» ‘Мягкий язык исподтишка (тайком) кусает’ [10, 212] («мягкий язык», то есть «льстивый», «подхалимный»); мокш. «*суски пине, кяль*» ‘кусающий язык’ [8, 271]. В русском языке есть выражения «суконный язык» («шепелявый», «картавый»), «змеиный язык» («злобный», о клеветнике) [6, I, 334]. О несвязной речи русские говорят: «будто язык в киселе», «язык размок» (о языке пьяницы),

«у него язык ниткой перевязан» [6, I, 241]. Характер сказанного в русской ЯКМ может определяться через национальные эталоны («Бормочет, что глухарь», «Лепечет, как сорока», «Пищит, как цыплёнок», «Кричит, как выпь», «Воркует, как голубок», «Поёт, как канарейка», «Каркает, как ворона», «Пташкой щебечет» [6, I, 319]), чего не удалось обнаружить в мордовских паремиях.

В русском фольклоре утверждается, по сути, универсальность и всемогущество слова, большая результативность словесного воздействия по сравнению с физическим («От языка не уйдёшь», «Язык везде достанет» [6, I, 324] (синонимия *язык / речь*); «Умный слова боится, глупый – плети» [6, I, 343]; «Слово не обух, а от него люди гибнут» [6, I, 324]), а в мордовском отмечается ограниченность возможностей слова в ситуациях, разрешаемых исключительно физическим способом: мокш. «*Валсь пакарь аф синди*» ‘Словом кость не переломишь’ [8, 158]. Вместе с тем в паремийном фонде мордовского народа выделяется группа высказываний, отмечающих способность слова / речи, языка воздействовать на любого человека, расположить к себе, указать на собственную значимость: мокш. «*Кяльсь сембонди сафтсы*» ‘Язык всем может угодить’ [10, 178] (синонимия *язык / речь*); мокш. «*Кие кяльса сафтсы, ся пряника инафтсы*» ‘Кто говорить умеет, тот и похвалить себя умеет’ [8, 154]; мокш. «*Сафты кяльса – кельгови и мяльса*» ‘Кто языком угождает – любим бывает’ [10, 178] (синонимия *язык / речь*). В русских пословицах «приятное» слово, лезть традиционно соотносится с лукавством, противопоставляются «правде»: «Правдивому мужу лукавство не под руку», «Лестью и душу вынимают», «Кто много целует, редко не укусит» [6, II, 135]. Однако в русском фольклоре есть пословица, подчёркивающая возможность языка сгладить любую неловкость, снять конфликт: «Язык, что вехотка: всё подтирает» [6, I, 319]. В русском паремийном фонде отмечается возможность повлиять на собеседника при помощи не «приятного», а «ласкового» (доброго) слова: «Ласковое слово – что весенний день» [6, I, 394]; «И собаку ласково примолвишь, так хвостом вертит» [6, I, 324]; «Ласковое слово и кость ломит» [6, I, 325]; «Ласковое слово многих прельщает» [6, I, 94]. «Учтливое» слово воспринимается как обязательное требование к повседневному общению: «От учтливых (вежливых) слов язык не отсохнет» [6, I, 153].

В русской ЯКМ свойства речи – это точное отражение сущности человека: рус. «Каковы свойства, таковы и речи» [6, I, 322]. Красота слова здесь напрямую соотносится с этическими принципами. С негативной окраской: рус. «Ради красного словца не пожалеет родного отца», «И речисто, да нечисто», «Говорит красно, да слушать тошно» [6, I, 321].

Не свойственно мордве наполнение концептов «Язык», «Речь», «Слово» библейскими смыслами и значениями. В русском фольклоре часто встречается их соотнесение с темами истины, греха: «Ваши слова – хоть в Библию, а наши и в татарские святцы не годятся» [6, I, 322] (синонимия *слово / речь*); «Бойся Вышнего, не говори лишнего!» [6, I, 322]; «Тихий ангел пролетел (все вдруг замолчали)» [6, I, 323]; «Твои бы речи да Богу в уши» [6, II, 56]. Предположим, что это связано с длительным процессом христианизации мордвы вплоть до XIX в., когда основной паремийный корпус фольклора уже сложился.

В русском фольклоре наблюдается склонность к содержательной контрастности пословиц: «Живое слово дороже мёртвой буквы» [6, I, 324] и «Написано пером, не вырубись и топором» [6, I, 326]; «Спасибо – великое дело (слово)» и «Спасибом сыт не будешь» [6, I, 101]; «Договор лучше (дороже) денег» и «Деньги лучше уговора» [6, I, 128]; «Не стать говорить, так и Бог не услышит» [6, I, 324] и «Кто молчит, не грешит» [6, I, 323]; «Короткие речи и слушать неча (нечего)» [6, I, 325] и «Во многословии не без пустословия» [6, I, 317]; «Сядем рядком да поговорим (потолкуем) ладком» [6, I, 325] и «Говори с другими поменьше, а с собою побольше!» [6, I, 318] и др. Это свидетельствует, на наш взгляд, не столько о противоречивости умозаключений, нерешительности и неуверенности при оформлении суждения, сколько о склонности к многомерности взгляда на мир, отказе от категоричности вследствие невозможности обладать абсолютным знанием, готовности к корректировке коллективных выводов, зафиксированных однажды, но опровергнутых общенациональным опытом, внимании к мелким деталям, нюансам речевого взаимодействия: «Замолчал, как воды в рот набрал» [6, I, 323] и «Набери в рот воды!»

[6, I, 322], потому что «Кстати промолчать, что большое слово сказать» [6, I, 325], «Доброе молчание лучше худого ворчания» [6, I, 323]. Для мордовского народного творчества это явление в целом не характерно.

Вместе с тем примечательно, что именно мордовский фольклор демонстрирует большую коммуникативную гибкость этноса. Так, наряду с такими пословицами, как мокш. «*Эрь морось эсь ладонц содай*» ‘Каждая песня на свой лад поётся’ [10, 188]; эрз. «*Эрьва нармунь эсензэ моронзо моры*» ‘Каждая птица свою песню поёт’ [10, 188] в нём присутствуют высказывания, отражающие результаты осмысления процесса сближения с другими народами: мокш. «*Разнайхть кяльсна, но фкат синь мяльсна (тевсна)*» ‘Разные они по своим языкам, но единые по своим целям-желаниям’ [10, 179]; мокш. «*Кит эряйхть фкя мяльса, сят корхнихть фкя кяльса*» ‘Кто живёт единым мнением, у тех единый язык’ [8, 156]. Фиксируются преимущества идейной, мировоззренческой близости над языковой идентичностью.

В разделе «Народ – язык» сборника пословиц В. И. Даля присутствуют русские пословицы, отражающие некоторые этнические стереотипы, в том числе связанные с мордвой (в мордовском фольклоре ничего подобного не обнаружено). Среди них пословица о языке: «У мордвы две морды, а шкура одна (т. е. два языка)» [6, I, 273]. Если не акцентировать внимание на каламбурно-просторечной форме языкового оформления мысли, данная пословица очень ценна как свидетельство грубовато-восхищённого восприятия и оценки соседнего народа, который свободно использует сразу два языка (здесь даже не важно, о чём речь: о двуязычии самой мордвы или о свободном владении русским языком¹), а значит способен иметь сразу два лика, сочетать в себе две языковых личности, что в русском этносе, очевидно, не имело широкого распространения в силу отсутствия жизненной необходимости.

Обсуждение и заключение

Итак, русские и мордовские пословицы о языке и речи демонстрируют содержательную близость концептов «Язык», «Речь» и «Слово»

¹ Уважение к языку как к средству общения, коммуникативная открытость, выражавшаяся в свободном владении несколькими языками, ранее мы отмечали как одну из главных черт менталитета мордовского народа [19, 44–48]. Этнограф В. И. Рагозин писал: «Мордвин... по природе своей полиглот и говорит на разных языках: со своим братом мордвином он говорит по-мордовски, с женою, сыновьями и дочерьми – по-татарски (в Казанской губернии), с русскими – по-русски, а с чувашами – по-чувашски...» [12, 2].

у двух народов, обоснованную тесной взаимосвязью систем ценностей, родственностью менталитетов, которые сложились в том числе благодаря общим географическим и историческим условиям формирования национальных сообществ.

Семантический анализ русских и мордовских паремий о языке и речи даёт возможность сделать вывод о близости смыслового ядра и многих периферийных значений вышеназванных концептов у этих народов. В сознании русских и мордвы «Язык» и «Речь» – это сложные комплексные единицы, включающие одинаковые понятийные компоненты: «универсальная амбивалентная данность», «способ оформления мысли»; «предварение дела»; «вербальное воплощение красоты и добра». Базовые компоненты этих концептов в русской и мордовской лингвокультурах связаны с субъектом, использующим язык и позиционирующим себя в обществе. «Слово» в ЯКМ двух народов соотносится со значениями: «духовная ценность» (включающая истину и добро), «не молчание», «необратимость», «след» (всегда имеет последствия), образующие смысловой центр концепта, и периферию: «оружие», «двойственность». Коммуникативный акт рассматривается как обмен ценностями, поэтому, с точки зрения обоих народов, слово не может быть пустым, важность имеют любые высказывания всех участников диалога. В этом – проявление глубокого уважения к слову, на котором выстраиваются национальные коммуникативные и этические принципы речевого общения. Границы вышеназванных концептов в народном сознании иногда пересекаются. В национальных пословицах и поговорках концепты «Язык», «Речь», «Слово» могут использоваться как синонимичные.

В то же время нельзя говорить о полном понятийном совпадении вышеназванных концептов у двух народов. Судя по национальному паремийному корпусу, в сознании мордовского народа концепт «Язык» не соотносится со смысловым наполнением «способ полноцен-

ного существования человека (государства, общества)», которое для содержания соответствующего концепта в русском сознании можно считать одним из базовых. Зато у мордвы на понятийной периферии концепта «Язык» присутствует значение «способ разграничения своего и “чужого”», который, впрочем, не исключает коммуникативного акта, сближения. В понимании концепта «Слово» у русских присутствуют периферийные составляющие «отражение качеств говорящего», «универсальность воздействующих возможностей». Наблюдается включение в периферийный спектр значений понятий «красота», «истина», «добро» («ласковое», «учтивое» слово), «грех». Концепт «Слово» в мордовской ЯКМ включает семантический компонент «способ расположения к себе собеседника».

Таким образом, общим для русских и мордвы является ценностное отношение к языку, слову. Многочисленны паремии с положительным отношением к субъекту, виртуозно владеющему языком, и порицающие пустословие и многословие. Оценочные составляющие концептов «Язык» и «Речь» имеют у двух народов культурную нагрузку, отражают близкие этические ориентиры (необходимость обоснованности сказанного мыслью (позицией) и подкрепления действием; ответственность за слово: осознание его последствий; утверждение нравственной и эстетической составляющих речи). Однако образных и культурно-этнических компонентов, связанных с вышеназванными концептами, в русских паремиях больше.

Эти выводы имеют значимость для дальнейших лингвокультурологических исследований, в том числе для учёных, занимающихся анализом концептов, национальных менталитетов, языковой личностью и национальными картинами мира, а также для специалистов в области лингвострановедения, регионоведения, методики преподавания русского и мордовского языков.

Список сокращений

мокш. – мокшанский язык, рус. – русский язык, эрз. – эрзянский язык.

Список источников и литературы

1. Аннушкин В. И. Концепты язык – речь – слово в отечественной филологии: история и современность // Лингвориторическая парадигма: история и современность. 2021. № 26 (1). С. 7–21.
2. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
3. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986. С. 473–500.

4. Богатырёва И. Ю., Холманских Ю. С. Особенности репрезентации концепта «Иностранный язык» в речи студентов неязыковых вузов // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2023. № 16. С. 43–50.
5. Дай И. Метафорическая интерпретация концепта «Язык» (на материале метафорических номинаций речевой деятельности в русском и уйтайском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2011. 26 с.
6. Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник в 2 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. 383 с.; Т. 2. 399 с.
7. Краснощекова Т. Я., Уланова С. А. Мордовские пословицы и поговорки о языке, культуре речи и правилах речевого поведения // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: матер. VI студен. междунар. заоч. научно-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2012. URL: <https://sibac.info/archive/humanities/6.pdf> (дата обращения: 10.11.2024).
8. Мордовские пословицы и загадки / сост. К. Т. Самородова. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1959. Т. 1: Пословицы, присловья и поговорки. 428 с.
9. Мордовские пословицы и присловья / сост. и перев. К. Т. Самородова. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. 88 с.
10. Мордовские пословицы, присловья и поговорки / сост. К. Т. Самородова. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. 286 с.
11. Пословицы. Поговорки. Загадки / сост. А. Н. Мартыновой, В. В. Митрофановой. М.: Современник, 2000. 509 с.
12. Рагозин В. И. Волга. СПб.: Тип. К. К. Ретгера, 1881. Т. 3: От Оки до Камы. О народах по средней Волге. Исторический очерк. 495 с.
13. Романцова Т. Д. Метаконцепт «язык» в газетной публицистике В. Распутина конца 1980-х – начала 1990-х гг.: когнитивно-праксиологический аспект // Медиалингвистика. 2021. № 8 (3). С. 219–236. DOI: 10.21638/spbu22.2021.302 (дата обращения: 17.11.2024).
14. Самородов К. Т. Пословицы // Мордовское народное устно-поэтическое творчество. Саранск: Мордов. кн. изд., 1975. С. 124–143.
15. Симанова Т. А. Развитие концептов «Русский язык» и «Родной язык» в языковом сознании иностранных студентов (экспериментальное исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 21 с.
16. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академич. проект, 2001. 990 с.
17. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: СЛОВО / SLOVO, 2008. 264 с.
18. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 8 т. / сост. К. Т. Самородова. Саранск: Мордов. кн. изд., 1969. Т. 4. Кн. 2: Мордовские загадки. 324 с.
19. Юрина Н. Г. Краеведение Республики Мордовия в преподавании РКИ. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2022. 120 с.
20. Юрина Н. Г. Отражение национальной языковой картины мира в мордовских загадках // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 4. С. 743–753. DOI 10.30624/2220-4156-2023-13-4-743-752.
21. Юркина Т. В. Культурологические основания лингвоментальных структур этнического самосознания: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Саранск, 2010. 18 с.
22. Grice H. P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. New York: Academic Press, 1975. Vol. 3. Pp. 41–58.
23. Leech G. N. Principles of Pragmatics. London; New York: Longman, 1983. 257 p.
24. Lewis R. D. When Cultures Collide: Managing Successfully across Cultures. Boston; London: Nicholas Brealey Publishing, 2006. 625 p.
25. Traditional Values of Eastern Finno-Ugrians as Evidenced in Proverbs and Sayings / N. N. Glukhova, R. A. Kudryavtseva, R. I. Chuzaev, G. E. Shkalina // Review of European Studies. 2015. Vol. 7, no. 8. Pp. 156–170.
26. Tyshchenko O., Smaglii V., Yukhymets S. Verbalization of the complex concept Word / Language / Speech from dual linguistics perspective // Arab World English Journal. 2022. Vol. 1. № 1. Pp. 100–113.

References

1. Annushkin V. I. *Kontsepty yazyk – rech' – slovo v otechestvennoy filologii: istoriya i sovremennost'* [Concepts of language – speech – word in Russian philology: history and modernity]. *Lingvoriticheseskaya paradigma: istoriya i sovremennost'* [Linguistic paradigm: history and modernity], 2021, no. 26 (1), pp. 7–21. (In Russian)
2. Apresyan Yu. D. *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya* [The image of a person based on language data: an attempt of a systematic description]. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of Linguistics], 1995, no. 1, pp. 37–67. (In Russian)
3. Bakhtin M. M. *Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh* [The problem of text in linguistics, philology and other humanities]. Bakhtin M. M. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary and Critical Articles]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1986. Pp. 473–500. (In Russian)
4. Bogatyreva I. Yu., Kholmanskikh Yu. S. *Osobennosti reprezentatsii kontsepta "Inostranny yazyk" v rechi studentov neyazykovykh vuzov* [Peculiarities of representation of the concept “Foreign language” in the speech of students of non-linguistic universities]. *Professional'naya kommunikatsiya: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki* [Professional communication: actual issues of linguistics and teaching methods], 2023, no. 16, pp. 43–50. (In Russian)
5. Day I. *Metaforicheskaya interpretatsiya kontsepta "Yazyk" (na materiale metafori-cheskikh nominatsiy rechevoy deyatel'nosti v russkom i uityayskom yazykakh)* [Metaphorical interpretation of the concept of “Language” (based on the material of metaphorical nominations of speech activities in the Russian and Chinese languages)]. Кемерово, 2011. 26 p. (In Russian)
6. Dal V. I. *Posloviitsy russkogo naroda: sbornik. V 2 t.* [Proverbs of Russian people: collection. In 2 vol.]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1984. Vol. 1. 383 p.; Vol. 2. 399 p. (In Russian)
7. Krasnoshchekova T. Ya., Ulanova S. A. *Mordovskie posloviitsy i pogovorki o yazyke, kul'ture rechi i pravilakh rechevogo povedeniya* [Mordovian proverbs and sayings about language, speech culture and rules of speech behavior]. *Nauchnoe soobshchestvo*

studentov XXI stoletiya. Gumanitarnye nauki: mater. VI studen. mezhdunar. zaoch. nauchno-prakt. konf. [Scientific community of students of the XXI century. Humanities: materials of the VI Student International Correspondence Scientific and Practical Conference]. Novosibirsk: SibAK Publ., 2012. Available at: <https://sibac.info/archive/humanities/6.pdf> (accessed November 10, 2024). (In Russian)

8. *Mordovskie posloviy i zagadki* [Mordovian proverbs and riddles]. Comp. K. T. Samorodov. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1959. Vol. 1: *Posloviy, prislov'ya i pogovorki* [Proverbs, folk says and sayings]. 428 p. (In Russian)

9. *Mordovskie posloviy i prislov'ya* [Mordovian proverbs and folk says]. Comp. K. T. Samorodov. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1968. 88 p. (In Russian)

10. *Mordovskie posloviy, prisloviy i pogovorki* [Mordovian proverbs, folk says and sayings]. Comp. K. T. Samorodov. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1986. 286 p. (In Russian)

11. *Posloviy. Pogovorki. Zagadki* [Proverbs. Sayings. Riddles]. Comp. A. N. Martynova, V. V. Mitrofanova. Moscow: Sovremennik Publ., 2000. 509 p. (In Russian)

12. Ragozin V. I. *Volga* [Volga River]. Saint-Petersburg: Tipografiya K. K. Retgera Publ., 1881. T. 3. *Ot Oki do Kamy. O narodakh po sredney Volge. Istoricheskiy ocherk* [Vol. 3. From Oka to Kama. About nations of the Middle Volga. Historical essay]. 495 p. (In Russian)

13. Romantsova T. D. *Metakontsept "yazyk" v gazetnoy publitsistike V. Rasputina kontsa 1980-kh – nachala 1990-kh gg.: kognitivno-praksiologicheskii aspekt* [The meta concept "language" in V. Rasputin's newspaper journalism of the late 1980s – early 1990s: cognitive and praxiological aspect]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], 2021, no. 8 (3), pp. 219–236. DOI: 10.21638/spbu22.2021.302. (In Russian)

14. Samorodov K. T. *Posloviy* [Proverbs]. *Mordovskoe narodnoe ustno-poeticheskoe tvorchestvo* [Mordovian oral and poetic folklore]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1975. Pp. 124–143. (In Russian)

15. Simanova T. A. *Razvitiye kontseptov "Russkiy yazyk" i "Rodnoy yazyk" v yazykovom soznanii inostrannykh studentov (eksperimental'noe issledovanie)* [The development of the concepts of "Russian language" and "Native language" in linguistic consciousness of foreign students (experimental study)]. Voronezh, 2010. 21 p. (In Russian)

16. Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2001. 990 p. (In Russian)

17. Ter-Minasova S. G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. Moscow: SLOVO Publ., 2008. 264 p. (In Russian)

18. *Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda: v 8 t.* [Oral and poetic folklore of the Mordovian people: in 8 vol.]. Comp. K. T. Samorodov. Vol. 4. Book 2: *Mordovskie zagadki* [Mordovian riddles]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1969. 324 p. (In Russian)

19. Yurina N. G. *Kraevedenie Respubliki Mordoviya v prepodavanii RKI* [Local history of the Republic of Mordovia in teaching the Russian as a foreign language]. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo un-ta Publ., 2022. 120 p. (In Russian)

20. Yurina N. G. *Otrazhenie natsional'noy yazykovoy kartiny mira v mordovskikh zagadkakh* [Reflection of the national linguistic picture of the world in Mordovian riddles]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, no. 13 (4), pp. 743–753. DOI 10.30624/2220-4156-2023-13-4-743-752. (In Russian)

21. Yurkina T. V. *Kul'turologicheskie osnovaniya lingvomental'nykh struktur etnicheskogo samosoznaniya* [Culturillogical foundations of linguistic and mental structures of ethnic identity]. Saransk, 2010. 18 p. (In Russian)

22. Grice H. P. Logic and Conversation. *Syntax and Semantics*, 1975, no. 3, pp. 41–58. Available at: <https://www.sfu.ca/~jeffpell/Cogs300/GriceLogicConversation.pdf> (accessed November 17, 2024). (In English)

23. Leech G. N. *Principles of Pragmatics*. London; New York: Longman, 1983. 257 p. (In English)

24. Lewis R. D. *When Cultures Collide: Managing Successfully across Cultures*. Boston; London: Nicholas Brealey Publishing, 2006. 625 p. (In English)

25. Glukhova N. N., Kudryavtseva R. A., Chuzaev R. I., Shkalina G. E. Traditional Values of Eastern Finno-Ugrians as Evidenced in Proverbs and Sayings. *Review of European Studies*, 2015, no. 7 (8), pp. 156–170. (In English)

26. Tyshchenko O., Smaglii V., Yukhymets S. Verbalization of the complex concept Word / Language / Speech from dual linguistics perspective. *Arab World English Journal*, 2022, no. 1 (1), pp. 100–113. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юрина Наталья Геннадьевна, профессор кафедры русского языка как иностранного, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук, доцент.

makarova-ng@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-8308-6334

ABOUT THE AUTHOR

Yurina Natalya Gennadyevna, Professor, Department of the Russian as a Foreign Language, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya Str., 68), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

makarova-ng@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-8308-6334